

Дорогие мои!

15

Думаю, что теперь вы уже совершенно спокойны касаясь моего благополучия: ваше 27^{ое} письмо, от 14²⁰/III, ушло верно за дня 2-3 до получения моего письма от 3²⁰ — так ведь? Дело в том, что это мое письмо, оказывается, отпущено было только 11²⁰ числа — отсюда все ваши беспокойства о моей якобы молчании за целый месяц. Нет, дорогие мои, вы доверки раз-навсегда перестать беспокоиться, не получая от меня некоторое время писем. В соображении, я в отношении вас не могу сделать того-же самого: ваше молчание, может означать очень многое.

Очередной генеркой ваш перевод я, спасибо, получил. Действительно, я не раз себе позволю что вы пишете «делюсь с точностью часового механизма». Вы пишете, что это — ваша радость? Верю. Особенно верю потому, что знаю, какой радостью было-бы для меня ваш посылка делюсь — хоть бы и с меньшей точностью. Но не выходя из этого, как вышло — и не выходя совсем иной темой, без ближайших перспектив на «выходение».

Но темиз Миза, — темиз Миза заставляет меня серьезно задумываться. Ведь если взять со стороны объективно — что получается? Тянущая, два года лет разлуки, дистанция в Атлантический Океан, другой мир — и наряду с этим такая чуткость, такая крошечная душевная близость и отзывчивость. А? Как вы чувствуете — много набегает таких «темиз»? Я готов склепать ботинки — но уверяю, что хвосты и пальцы на руках только, чтобы их переписать. Прошу вас, дорогие, напишите ей от моего имени всякое, — я уже могу только сказать от полноты чувств: "all right!" (это из очень скудного словаря моих знакомых английского языка)

Но обыкновенно, вы о своей болезни сообщали после того, как она прошла. Темиз вам на это не могу написать, что иначе не будет, да и быть не может. Но все-таки — почему вы не пишете подробно о своем состоянии так, как вам о нем говорит врач? Тут-то уже начинается область совершенно

некурного замачивания. Некурного потому, что ведь вам прекрасно известно, что только в очень редких случаях лочер действенно, в конечном счете, оказываясь полезнее травы (ты, папа, в качестве старого идеалиста, оспаривали бы лочер, и эту — смяченно диалектически постановку проблем этических начал травы и лчи? Легко, сподобив из-за этого не буди). Поэтому, я опять, как и в предыдущих письмах, пишу вам письмо подробно и кратко о вашей болезни. Как и всякое требование, — это также подкрепляется доводами от броневого курака: я угрожаю в противном случае лочер не писала вам ничего о своей болезни.

Посмотрим, соглашусь ли вы на это. — Дорогой мой, что-то слышно с хлопотами о поездке? Ведь вот-вот, наступит уже сентябрь, еще месяц, максимум полтора, вы почти наверняка не сможете ехать. В чем же дело? Только ли в наслоотных хлопотах? Или в Шуре и Катинке также? Не в том ли дело, что их обстоятельство изменилось? Или вообще, лочер была задержана в все самия? Нишуе откровенно, не смущаясь. Для меня этот вопрос слишком серьезен и важен, что бы я мог долго не знать сути.

Уже все теперь уже верно, почти точно, а для будет с начала сентября, как поводит Лева. Рискне наверняка надо хорошенько отговорить. Но какой же это отговор в течении пера кедер с переизданием? Так только, свидание, да как-то со мной, маля и воздуха, смешанных вместе в кадреющей бронированной, но не в дощатом коммунстве. —

Относительно своего приезда быль много мне не пишала. Отпуск, который я у себя взял, несколько замялся, так что если бы я был строим начальником, пришлось бы самого себя сократить, за нехватку и самоубийство отлучки? Но я добр, душевно добр, и потому моя природная лодь тормозится: вот уже полтора месяца как я не заканчиваюсь. Но чем дальше, тем труднее вновь браться, — поэтому думаю,

что всетаки на днях поставлю точку нижеподле маю и возмущу за книги. Однако, в других откопанных я ценю за это время: сделал себе настольный прибор — на заглавие, затем вот еще что: сконструировал из дерева самодельную ручку для самобрейки и теперь, если у меня есть лочер от "Исмета", я могу сам браться — а это большое изобретение. К этому своему прибору я сделал и футляр — на вид совершенно не самодельная, как выклад коробочка из дерева, а внутри укладка, как выклад в коробочках для драгоценностей — знаете? Вы себе представляете, что это за работа? Одна только отдала внешнею вида дерева состоит из следующих операций: 1) записка стеклом 2) записка наждачной бумагой крупного номера 3) записка бумажной лочеркой 4) записка крошечной шкуркой 5) сушкой 6) покраска 7) лакировка. Да, нульда маля, нульда скара, нульда песенки пою! И не то еще можно сделать.

Да, так возвращаюсь к бриве. Дорогой мой, дело вот в чем: у тебя, папа, есть верно курьерские, стоившие уже лочерки от "Исмета"? Я шлю в ближайшее безмятно отточить их — так не сможешь ли ты послать пару таких лочер, можно даже просто выорить в очередное письмо, они же маленькие и легкие? Я был бы тебе очень и очень благодарен, если бы они и не дорого стоили, но я не знаю еще, смогу ли доставить.

Да, а из прочих моих вольных "замечаний" упомяну еще вот о чем: понадеялся я рисовать картину. Ничего, получается. Во всяком случае, подождем к моему рисунку, еще издам лочерно безосмысленно определять, кто нарисован: мушкетер или француз. Не смейтесь это большой лочер, я бы даже даде больше: это явное достоинство художника. Если художник шик его, тогда у него один выход: начать торговать картинами в разное — знание рисунка тут не требуется. В крайнем же случае можно рекомендовать таким художникам Земаеву сподобив — это действующий отбывающий. Как видите, я гарантирован от обеих этих перспектив. —

№ 1605

Ну, дорогие, настоящие на этом письмо
окончить. Кду ваше письмо в этот месяц
нема, но отберу на него уже только в начале
сентября. Будьте здоровы, здоровы и поцелуй-
тесь. После самое относится и к Фине с Циндгой
и Курейком. Передайте мои приветия теткам
Отдельный привет - Билмушке и ее родным (как
видите, получаете образцы солдатской письма
домой: и еще Клякяюв Зайко тетке Агдоре
и Куре "Траскови, да Курму Ивану, да тещю
с тещей" и Г.г. и Г.г. — на десять суток
мелким почтом.)

Целую крепко

Вам

Вольф

ДЕМОРИАЛ